

ВОСПОМИНАНІЯ

0

ДМИТРИИ МАКСИМОВИЧЪ

КНЯЖЕВИЧЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ДМИТРИИ МАКСИМОВИЧЪ

КНЯЖЕВИЧЪ.

Н. Гр.

(Н. Гречъ)



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ 17 Сентября 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ГРЕЧА.

КЪ ПОРТРЕТУ Д. М. КНЯЖЕВИЧА.

Мужъ чести, разума и слова!
И сердце дѣтское, и мужественный умъ
Слѣжу въ твоихъ чертахъ.... И сколько, сколько думъ
Мнѣ навѣваетъ изъ благо!

Глядѣть на твой портретъ мнѣ весело и грустно:
Мнѣ вспоминается тѣхъ свѣтлыхъ дней пора,
Когда бесѣдовалъ съ друзьями ты изустно....

И это, кажется, все дѣлалось вчера!...
А между тѣмъ ужъ промелькнули годы,
И страсти, и умы, и цѣлые народы

Перемѣнились, — но поэтъ,
Не тронутый волненіемъ и новью,
Все съ прежнею, теперь унылою, любовью
Какъ будто на тебя, глядитъ на твой портретъ.

Θ. Глинка.



Digitized by the Internet Archive
in 2013

<http://archive.org/details/vospominaniiaodm008800>

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ДМИТРІИ МАКСИМОВИЧЪ КНЯЖЕВИЧЪ.

Напечатанная въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1860 годъ *Біографія Дмитрія Максимовича Княжевича* возбудила въ насъ усладительныя воспоминанія о былыхъ годахъ, о прежнихъ людяхъ, возбудила и чувство невыразимой грусти о потерѣ чловѣка, который жизнью и дѣлами своимъ былъ полезенъ и дорогъ свѣту и отечеству, и могъ бы еще долгое время служить отрадою, утѣшеніемъ всѣмъ своимъ ближнимъ. Дмитрій Максимовичъ скончался за пятнадцать лѣтъ предъ снмъ, а память о немъ, о его умѣ, сердцѣ, характерѣ такъ же жива въ душѣ и воображеніи всѣхъ знавшихъ и любившихъ его, какъ будто бы они разстались съ нимъ вчера. Одесская литература исполнила свой долгъ, вспоминая объ одномъ изъ усерднѣйшихъ своихъ ревнителей. Скажутъ, можетъ быть: «исполнила, но слишкомъ поздно.» Мы возразимъ, что воспоминанія о достойныхъ памяти людяхъ не слабѣютъ съ годами; напротивъ, воз-

растаять съ каждымъ днемъ послѣ потери ихъ, и то, что на свѣжей могилѣ благороднаго человѣка начертала бы рука дружбы и благодарности, въ первыя минуты скорби, легкими, скоропреходящими письменами, становится отъ времени бронзовою надписью на гранитѣ.

Авторъ статьи въ Новороссійскомъ Календарѣ (г. Минаковъ, инспекторъ Второй Одесской Гимназіи) ограничивается обзорѣмъ трудовъ Дмитрія Максимовича по званію попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. Мы позволяемъ себѣ изложить все пройденное имъ служебное и литературное поприще, пользуясь изданнымъ въ 1844 году некрологомъ его, и присовокупивъ къ тому нѣкоторыя подробности о его общественной и частной жизни, доставленныя намъ человѣкомъ, близко знавшимъ покойнаго Княжевича.

Родъ Княжевичей происходитъ изъ австрійской области, называемой Военною Границею, или Кроаціею, и обитасмой славянскимъ племенемъ Сербовъ, изъ коихъ немногіе перешли въ Католическое Исповѣданіе, а большая часть сохранила Православную Вѣру праотцевъ. Жители Военной Границы не платятъ за принадлежащія имъ земли ни какой подати въ казну, и только обязаны въ мирное время охранять предѣлы свои отъ Турокъ, въ военное служить въ арміи австрійской. Отъ этого происходитъ, что почти всѣ обитатели того края, подобно нашимъ казакамъ, люди военные. Многіе изъ нихъ отличились службою и храбростію, приобрѣли почести, дворянское и баронское достоинство. Къ числу прославившихся своими подвигами Сербовъ Военной Границы принадлежитъ родъ Княжевичей, процвѣтающій преимущественно въ селеніи Удбинѣ, въ Личскомъ Пограничномъ Полку. Оттуда Княжевичи, въ разныя вре-

мена, разселились по многимъ странамъ южной Австрiи; нѣкоторые зашли въ Польшу; одинъ, Максимъ Дмитріевичъ, родившійся въ Удбинѣ, переселился въ 1773 году въ Россію, вступилъ въ военную службу, въ корпусъ кавалергардовъ, а въ послѣдствіи перешелъ въ гражданскую, и предъ копчиною своею, послѣдовавшею въ 1809 году, занималъ мѣсто совѣтника въ Казанской Казенной Палатѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ осьмидесятихъ годахъ женился онъ на дѣвицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Рудпевой. Отъ этого брака родились четыре сына: Дмитрій, Александръ ⁽¹⁾, Николай ⁽²⁾ и Владиславъ ⁽³⁾. Качества души и сердца родителей имѣютъ непосредственное вліяніе на свойства, способности и наклонности дѣтей, и въ этомъ отношеніи особенно важно вліяніе матери: отецъ служитъ дѣтямъ примѣромъ прямоты, честности и правдивости; отъ матери наследуютъ они кротость душевную, нѣжность сердца, чувства любви и дружбы. Такъ было въ этомъ случаѣ, и лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ попечительно, благо-разумно, строго и, притомъ, нѣжно было воспитаніе Княжевичей, служатъ они сами — своимъ характеромъ, сердцемъ, умомъ, жизнью и дѣлами. Елисавета Алексѣевна, при благородныхъ свойствахъ своихъ, была въ душѣ истинно Русская: она сѣтовала, что не всѣ ея дѣти избрали военную службу. Вѣроятно, она въ послѣдствіи помирилась съ гражданскимъ направленіемъ дѣтей своихъ. Она скончалась на 82-мъ году отъ рожденія, въ 1845 году.

(1) Нынѣ министръ финансовъ.

(2) Умершій въ званіи предсѣдателя Рязанской Казенной Палаты.

(3) Предсѣдатель Таврической Казенной Палаты съ 1832 года.

Дмитрій Максимовичъ родился въ Санктпетербургѣ 25 Апрѣля 1788 года, и уже въ дѣтствѣ отличался умомъ, понятливостью, пылкостью нрава. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, потомъ учился въ Казанской Гимназіи, до учрежденія Казанскаго Университета. По тогдашнему обычаю, былъ онъ записанъ въ службу (въ Экспедицію о Государственныхъ Доходахъ, канцеляристомъ) очень рано (въ 1802), и 31 Декабря 1805, по прибытіи въ С. Петербургъ, получилъ первый офицерскій чинъ. На самыхъ первыхъ шагахъ поприща, которое прошелъ потомъ съ отличіемъ и славою, занимался онъ своею должностію прилежно и строго; но эта должность оставляла ему много досужаго времени, и, сверхъ того, внутреннее влеченіе и врожденная въ немъ любовь къ изящному и благородному обращали его къ занятіямъ словесностію. Изъ сослуживцевъ его и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей составилъ тѣсный дружескій кругъ любителей наукъ и литературы. Съ Княжевичемъ участвовали въ немъ: Александръ Ефимовичъ Измайлѣвъ, Александръ Петровичъ Беницкій (молодой человѣкъ съ большими дарованіями, скончавшійся на тридцатомъ году отъ роду, въ 1809 году), Михаилъ Васильевичъ Милоновъ, Иванъ Михайловичъ Фовицкій, Павелъ Александровичъ Никольскій, Николай Ильичъ Оедоровъ и нѣкоторые другіе. Дмитрій Максимовичъ занимался литературою не изъ какихъ-либо видовъ корысти или тщеславія: онъ находилъ улажденіе, отраду, удовлетвореніе душевной потребности въ благородномъ трудѣ, видѣлъ въ немъ средство къ дальнѣйшему образованію ума и сердца. Да и все тогдашніе литераторы были безсребренными жрецами въ храмѣ музъ. Современники свидѣтельствуютъ,

что въ то время писатели не только не приобретали ничего своими литературными трудами, но еще тратились на изданіе своихъ произведеній, безъ надежды когда-либо возвратить издержки. И тогда возникали жаркіе споры, происходили жестокия брани, возгоралась непримиримая вражда между писателями, по отношенію не изъ какихъ-либо расчетовъ или видовъ, а въ слѣдствіе внутренняго убѣжденія, иногда ошибочнаго, но всегда искренняго и безкорыстнаго. Къ тому же, почти всѣ тогдашніе литераторы были въ службѣ, гражданской или учебной, всѣ посвящали занятіямъ словесности немногіе часы отдыха и досуга, не составляя изъ этихъ занятій ремесла. Они вообще были люди хорошо воспитанные, съ свѣтскимъ образованіемъ и благороднымъ вкусомъ, разумѣется, за исключеніями, но очень немногими.

Попримемъ занятія этого круга быть сначала ежемѣсячный журналъ *Цвѣтникъ*, начатый Измайловымъ и Бенницинымъ; мѣсто послѣдняго, по кончинѣ его, занялъ Никольскій. Цвѣтникъ выходилъ въ 1809 и въ 1810 годахъ. Въ 1810 дѣятельность этого кружка перенесена была въ Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ, продолжавшее свою тихую и пассивную жизнь подъ предсѣдательствомъ Дмитрія Ивановича Языкова, при безпрерывномъ усердномъ содѣйствіи Александра Христофоровича Востокова, одного изъ его учредителей. Оно оживилось (въ 1810 г.) преимущественно вступленіемъ въ него Дмитрія Васильевича Даникова, молодого человѣка съ большимъ умомъ, дарованіями и образованіемъ. Въ то время усиливалась и брала верхъ школа славянофиловъ. Подъ этимъ именемъ разумѣли не то, что называютъ нынѣ ученіемъ славянофиловъ, то есть стараніе сблизить и слить общію словесностью всѣ сла-

вянскія племена: тогда называли такъ послѣдователей Шишкова. Вообразивъ себѣ, что Церковно-Славянскій Языкъ есть корень и образецъ Русскаго, они объявили войну слогу Карамзина, и превозносили языкъ первой половины XVIII столѣтія, въ которомъ славянскія слова смѣшивались съ русскими въ фразѣхъ латинскаго и нѣмецкаго склада и даже въ галлицизмахъ. Партія эта, къ которой принадлежали многія знатныя лица по связямъ и дружбѣ съ Шишковымъ и его приверженцами, усиливалась видимо, но не могла устоять отъ напора здраваго смысла и чистаго вкуса. Она господствовала преимущественно въ громкой Бесѣдѣ Русскаго Слова. Противники ея, приверженцы Карамзина, нашли пріютъ въ скромномъ Обществѣ Русской Словесности, которое, усилившись новыми достойными членами (въ числѣ ихъ были: Константинъ Николасвичъ Батюшковъ, Дмитрій Николаевичъ Елудовъ, Василій Львовичъ Пушкинъ, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ, Степанъ Пестровичъ Жихаревъ, Николай Ѳedorовичъ Грамматинъ и др.), вознамѣрилось дѣйствовать рѣшительно. Съ Января 1812 года начало оно издавать въ своемъ направленіи журналъ *Санктпетербургскій Вѣстникъ*. Въ этомъ журналѣ отличались наблюдательностью и умнымъ изложеніемъ синонимы Дм. М. Княжевича, бывшаго въ числѣ самыхъ усердныхъ и ревностныхъ сотрудниковъ. Между тѣмъ возникли въ обществѣ споры, разногласія, раздоры. Нѣкоторые члены, не успѣвшіе поставить на-своемъ, вышли. Не знаемъ что случилось бы съ обществомъ и его журналомъ, если бы ужасная гроза, поднявшаяся на политическомъ горизонтѣ въ 1812 году, не заглушила тихаго говора словесности. Всѣ журналы пріостановились и, въ томъ числѣ, С. Пе-

тербургскій Вѣстникъ — на десятой книжкѣ. Миръ Европы возстановился чрезъ два года; ученые и литераторы готовились обратиться вновь къ тихимъ своимъ занятіямъ.

Вдругъ выпалъ Княжевичу новый, счастливый жребій. По окончаніи войны надлежало разсчитаться въ военныхъ и другихъ издержкахъ съ двадцатью двумя государствами Германіи. Интендантство арміи просило министра финансовъ откомандировать къ нему нѣсколько чиновниковъ по счетной части, свѣдущихъ въ иностранныхъ языкахъ. Избраны были отличные молодые люди, и первымъ въ числѣ ихъ былъ Дмитрій Максимовичъ. Онъ явился въ главной квартирѣ къ генераль-интенданту Канкрину, и съ тѣхъ поръ началась та связь взаимнаго уваженія и довѣренности, которая нѣсколько лѣтъ соединяла великаго сановника съ достойнѣйшимъ изъ его подчиненныхъ.

Княжевичъ, усердно занимаясь исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей службы, между тѣмъ не выпускалъ изъ виду любимой имъ литературы, читалъ, учился, размышлялъ, и болѣе и болѣе развивалъ въ себѣ чувство изящнаго и благороднаго. По пребыванію его въ Вѣнѣ, главнымъ предметомъ его изученія сдѣлалась Литература Нѣмецкая: онъ познакомился съ нею вполне, и въ послѣдствіи употребилъ на пользу словесности пріобрѣтенныя имъ при этомъ познанія. Желая усовершенствоваться во Французскомъ Языкѣ, онъ переписывался по-французски съ однимъ изъ своихъ товарищей, служившимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Это смѣшеніе трудовъ сухихъ и строгихъ съ занятіями чувства и воображенія сохраняло и усиливало въ немъ счастливое сліяніе твердости съ милосердіемъ, спокойствія строгаго

разсудка съ пылкостью характера и добродушною до-
вѣрчивостію.

Въ 1820 году кончились работы ликвидаціи. Дмитрій Максимовичъ въ то время (въ 1819 году) женился на Баронессѣ Антошѣ Гора, и тѣмъ упрочилъ себѣ единственное истинное счастье въ жизни — счастье домашнее. Вскорѣ потомъ, лѣтомъ 1820 года, онъ возвратился въ Петербургъ, и поступилъ въ прежнюю службу, начальникомъ отдѣленія въ Экспедиціи о Государственныхъ Доходахъ, которая въ слѣдующемъ году была преобразована въ нынѣшній Департаментъ Государственнаго Казначейства, гдѣ тогда же Княжевичъ занялъ должность, и, по-прежнему, посвящалъ свободное свое время занятіямъ словесности. Въ 1822 году издалъ онъ плодъ продолжительныхъ изысканій своихъ: *Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку, съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ для удобнѣйшаго присканія*. (С. П. б. въ тип. Края.) Этою книжкою пополненъ былъ пробѣлъ въ народной Русской Литературѣ. Всѣ приведенныя въ ней пословицы истинно народныя, русскія. Къ нимъ не присочинено ни одной. Въ 1822 и 1823 годахъ издавалъ онъ, при помощи братьевъ своихъ, Александра Максимовича и Владислава Максимовича, литературныя прибавленія къ *Сыну Отечества* (подъ заглавіемъ: *Библиотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній изящной словесности; шестнадцать частей*). Въ этомъ сборникѣ помѣщены переводы, болѣею частью съ Нѣмецкаго Языка, лучшихъ тогдашнихъ повѣстей, между прочимъ Цюкке и Гофманна, почти вовсе неизвѣстныхъ нашей публикѣ. И выборомъ и переводомъ правильнымъ и изящнымъ, эти

новѣсти отличались отъ всѣхъ другихъ, и обращали на себя благодарное вниманіе публики. Дмитрій Максимовичъ продолжалъ участвовать въ засѣданіяхъ и трудахъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, а потомъ въ Обществѣ Любителей Словесности, издававшемъ журналъ: *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворительности*; въ послѣднемъ онъ былъ вице-президентомъ. Въ послѣдствіи (въ 1837 году) былъ онъ избранъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи.

Въ 1824 году литературная дѣятельность Д. М. Княжевича была прекращена назначеніемъ его (6 Марта) въ должность с. петербургскаго вице-губернатора, поглотившую все его вниманіе, все время. Онъ пробылъ въ этой должности три года, исполнять ее съ неутомимымъ усердіемъ; не стѣсняя частныхъ людей, доставилъ казны значительныя выгоды (до девяти милліоновъ рублей), и вполне оправдалъ ожиданія начальства. Въ 1827 году (11 Февраля), назначенъ онъ былъ вице-директоромъ Департамента Государственныхъ Имуществъ. Высшее начальство не ограничивало его дѣйствій службою по казенной палатѣ: оно возлагало на него порученія и по другимъ частямъ. Е. Ф. Канкринъ, при вступленіи въ должность, обратилъ свое особенное вниманіе на часть таможенную, захрясшую было въ старыхъ пріемахъ, преданійхъ и злоупотребленіяхъ. Надлежало принять строгія и рѣшительныя мѣры, и исполнить ихъ посредствомъ лицъ постороннихъ, свѣжихъ, не погрязшихъ въ служебной рутинѣ. Для исправленія зла были приняты быстрыя и строгія мѣры, причемъ дѣятельнымъ исполнителемъ ихъ былъ новый директоръ Департамента Внѣшней Торговли Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ. Часть эту совершенно преобразовалъ. Прекратились воліющія злоупотребленія; доходы

казны возвысились значительно; честная торговля охранялась от козней тайнаго провоза; выгоды частных лицъ были обезпечены изданіемъ справедливаго и либеральнаго положенія о досмотрѣ пассажирскихъ вещей. Канкринъ не довольствовался возложеніемъ этихъ трудныхъ и щекотливыхъ дѣлъ исключительно на чиновниковъ таможеннаго вѣдомства: онъ поручалъ ихъ и постороннимъ лицамъ, къ которымъ имѣлъ полное довѣріе, о которыхъ зналъ, что они, соблюдая выгоды казны, не обидятъ и не стѣснятъ частныхъ людей, и, преслѣдуя злоупотребленія и лихоимство, будутъ снисходительны къ невѣжеству и слабости людской. Многія такія порученія возлагалъ онъ на Дмитрія Максимовича, который исполнялъ ихъ, по долгу и совѣсти, къ удовольствію своего почтеннаго начальника ⁽¹⁾. Въ 1830 году Дмитрій Максимовичъ былъ назначенъ директоромъ Канцеляріи

(1) Разскажемъ одинъ любопытный случай. Консульскій агентъ изъ какого-то приморскаго города западной Европы довезъ министерству, что оттуда отправился въ Россію купеческій корабль N, швевъ NN, и на немъ находится большое количество контрабанды. Министръ предписалъ, по прибытіи корабля въ Кронштадтъ, строго досмотрѣть его. Досмотрѣли и донесли: «ничего не оказалось.» Повторяютъ приказаніе, отвѣтъ тотъ же. Тогда Е. Фр. Канкринъ, пригласивъ къ себѣ вице-губернатора, поручилъ ему отправиться въ Кронштадтъ, и непременно открыть истину. Д. М. Княжевчъ прибылъ на корабль въ сопровожденіи петербургскихъ досмотрщиковъ, снабженныхъ необходимыми орудіями. Чиновники встрѣтили его съ рабодѣпствомъ чистой совѣсти. Шкиперъ злобно ухмылялся. — «И такъ, нѣтъ контрабанды? Не отыскали?» — «Нѣтъ, ваше высокородіе; мы досмотрѣли рачительно и подробно: ничего не оказалось. Напрасно беспокоится начальство.» Княжевчъ, взглянувъ на стѣнки каюты, скомандовалъ досмотрщикамъ: «рубить!» Топоры приударили, доски отвалились, и изъ-за нихъ посыпались куски разныхъ матерій, кружевъ и т. п. При дальнѣйшемъ обыскѣ нашли несмѣтное количество запрещенныхъ товаровъ.

Министра, а въ 1831 директоромъ Департамента Государственнаго Казначейства.

По приближеніи къ пятидесятилѣтію своей жизни, чувствуя утомленіе отъ непрерывныхъ тяжелыхъ трудовъ по счетной части, Дмитрій Максимовичъ возымѣлъ желаніе, оставивъ холодный, негостепріимный сѣверъ, подышать воздухомъ юга, которымъ дышали его предки, посвятить труды и познанія свои не мертвымъ цифрамъ, а живому движенію человѣчества, и какъ ни трудно было ему разстаться съ начальникомъ, къ которому привязанъ онъ былъ взаимными узами уваженія и довѣренности, Княжевичъ исполнилъ свое намѣреніе: поступилъ въ должность попечителя Одесскаго Учебнаго Округа.

Въ Одессѣ нашелся онъ въ своей сферѣ. Любовь къ наукамъ, къ просвѣщенію, къ литературѣ, страсть къ благотворенію ближнимъ образованіемъ ихъ — все это соединялось въ пламенной душѣ Княжевича, и давало ему полное право на полученное имъ мѣсто. До поступленія своего въ званіе попечителя округа, Дмитрій Максимовичъ не служилъ по учебной части, не имѣлъ ни случая, ни повода сю заниматься. Это обстоятельство, съ одной стороны, имѣло то неудобство, что онъ долженъ былъ знакомиться съ частью совершенно для него новою, учиться, часто ходилъ ощупью, иногда ошибался; но, съ другой, оно принесло ту неисчислимую пользу, что онъ вступалъ на это новое поприще съ свѣжимъ умомъ, безъ предразсудковъ, безъ педантизма, безъ привычекъ къ вѣковымъ злоупотребленіямъ, съ которыми, отъ дѣйствія времени, спокойно живутъ люди, впрочемъ истинно ученые и благонамѣренные. Онъ принялся за новое свое дѣло съ жаромъ и усердіемъ, познакомился съ положеніемъ учебной части въ округѣ, увидѣлъ недостатки заведеній

и лицъ, узнать потребности края и времени, и старался, сколько возможно, исправить старое, вдохнуть свѣжій духъ въ уставшую машину, и орудія слабыя и немощныя замѣнить сильными и бодрыми. Вотъ что говорятъ о его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ очевидцы: «Предъ самымъ его вступленіемъ въ управленіе Одесскимъ Учебнымъ Округомъ, Ришельевскій Лицей въ Одессѣ, главное учебное заведеніе края, получилъ новое образованіе, приближавшее его къ устройству университетскому. Осуществить новый уставъ лицея, содержащій въ себѣ сѣмя учебной и ученой жизни для округа, предстояло новому попечителю. Какъ исполнилъ онъ это, свидѣтельствуемъ настоящее (1844) положеніе лицея, найденаго имъ съ малою горстью воспитанниковъ и большею частью только съ вакансіями преподавателей, а теперь во всѣхъ отношеніяхъ занимающаго первое мѣсто между соименными ему учебными заведеніями министерства. Чтобы привести это заведеніе въ возможную соотвѣтственность съ современнымъ состояніемъ наукъ, съ мѣстными потребностями края, и вмѣстѣ съ общимъ направленіемъ образованія въ Россіи, Дмитрій Максимовичъ не довольствовался точнымъ приведеніемъ въ исполненіе того, что было уже предположено, но, съ неутомимою, можно сказать, съ безпокойною ревностью, безпрерывно стремился отъ улучшеній къ улучшениямъ. Каждый годъ, каждый семестръ лицей дѣлалъ новыя шаги на пути къ своему во всѣхъ частяхъ усовершенствованію, снабжался достойными наставниками, обогащался воспитанниками (которыхъ число, въ теченіе семи лѣтъ, изъ двадцати возрасло до ста тридцати), распространялъ свои матеріальныя средства, учебныя нособія, кругъ и объемъ преподаваемыхъ предмстовъ, дѣятельность, вліяніе и репутацію пре-

подавателей, такъ что сдѣлался, можно сказать, въ маломъ видѣ мѣстнымъ унѣверситетомъ. Стараніями попечителя предъ высшимъ начальствомъ учреждена была въ немъ вновь кафедра сельскаго хозяйства и лѣсоводства, введено преподаваніе судебной медицины, политической арифметики, геодезіи, сравнительной географіи, русскихъ древностей, наконецъ образовано дотолѣ несуществовавшее, цѣлое особое отдѣленіе лицей, подъ именемъ камеральнаго, съ открытіемъ котораго послѣдовала новая организація преподаванія и въ двухъ прежнихъ отдѣленіяхъ, юридическомъ и математическомъ. Не меньшее вниманіе обращено было на лицейскую гимназію и на всѣ вообще учебныя заведенія округа, среднія и низшія. Долго было бы исчислять все, что сдѣлано было имъ для этихъ заведеній во всѣхъ отношеніяхъ, какъ матеріальномъ, такъ особенно въ учебномъ и нравственномъ. Упомянемъ только объ одномъ памятникѣ и его благотворныхъ видовъ, и просвѣщенныхъ заботъ, о памятникѣ, который увѣковѣчитъ его имя въ признательномъ графѣ. Это—начертанныя имъ *программы для преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ и въ училищахъ уездныхъ и приходскихъ*. Онѣ составляютъ какъ бы ручную педагогическую книгу, въ которой низшее и среднее воспитаніе, съ постояннымъ вниманіемъ къ возрасту и состоянію, къ общимъ и мѣстнымъ потребностямъ воспитывающагося юношества, ведется отъ низшихъ степеней до высшихъ, съ удивительно выдержанною послѣдовательностью, и въ то же время съ глубоко обдуманною общностью, такъ что каждый предметъ, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, идетъ съ другими параллельно въ непрерывной симметріи и гармоніи. Главнѣйшее же достоинство этихъ программъ состоитъ въ томъ, что онѣ проникнуты любовью, заду-

шевною мыслью, руководившею всѣми дѣйствіями попечителя: въ краѣ, недавно еще усыновленномъ Россіи, и до сихъ поръ пестрѣющемъ самымъ разнообразнымъ, разнотѣрнымъ и разноязычнымъ населеніемъ, водворить воспитаніе и образованіе истинно русское. И должно признаться, что эта мысль, изливавшаяся отъ полноты пламеннаго и просвѣщеннаго патріотическаго энтузіасма, не осталась безплодною. Провидѣніе благословило святую ревность еще при жизни его сладостными начатками успѣха, замѣтными всюду, начиная съ лица. Для достиженія такого результата въ такое короткое время, необходимы были усилія необыкновенныя, дѣятельность неутомимая, надзоръ неусыпный, постоянство, не преодолимое ни какими препятствіями и затрудненіями. Таковъ и былъ Дмитрій Максимовичъ. Онъ не зналъ ни утомленія, ни успокоенія; онъ весь былъ въ исполненіи принятаго имъ на себя долга, предначертанной самимъ себѣ цѣли. Лицей и округъ: тутъ были его домъ, его нѣжнѣйшія привязанности и лучшія надежды и мечты; тутъ сосредоточена была вся его душа, положена вся его жизнь. Говоримъ это безъ всякаго преувеличенія, въ самомъ точномъ, буквальномъ смыслѣ. Когда, вслѣдъ за прибытіемъ Дмитрія Максимовича въ Одессу, внезапно потрясла городъ и весь край страшная вѣсть о появленіи чумы, онъ немедленно, съ находившимся въ то время при немъ сыномъ, воспитанникомъ лицейской гимназіи, переселился самъ въ зданіе лицея, и здѣсь, запершись среди ввѣреннаго ему отъ Бога и Государя многочисленнаго семейства дѣтей, прожилъ всю тяжкую годину бѣдствія, продолжавшуюся около четырехъ мѣсяцевъ, оставляя это добровольное заточеніе только на нѣкоторыя минуты, когда санъ и званіе призывали его на совѣщаніе съ

мѣстнымъ начальствомъ о общихъ мѣрахъ къ спасенію и успокоенію города. Въ послѣдствіи, уже окруженный собственною своею семьею, онъ не разъ отъ нея отрывался, и переселялся, на педѣлю или на двѣ, въ лицей для того только, чтобъ собственными глазами слѣдить за воспитанниками во всякую пору дня и ночи, въ классахъ и въ спальняхъ, на прогулкахъ и за работою, чтобы собственнымъ, личнымъ опытомъ удостовѣриться въ исполненіи и успѣшности вводимаго имъ порядка во всемъ образѣ ихъ жизни. Здѣсь онъ жилъ одинъ, въ небольшой, тѣсной, лишенной всѣхъ удобствъ компатѣ, куда супруга и дѣти пріѣзжали къ нему на короткое время гостями. По округу путешествовалъ онъ ежегодно по нѣскольку разъ, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ и трудностямъ странствованія по необозримымъ, пустыннымъ степямъ Новой Россіи, въ горахъ Крыма и Бессарабіи, принужденный нерѣдко ночевать въ землянкѣ, спать на голой доскѣ, трястись верхомъ на татарской лошади, или тащиться въ скрипучей молдавской каруцѣ. Не было такого отдаленнаго угла въ краѣ, котораго бы онъ не посѣтилъ, въ которомъ не заглянулъ бы во всякій закоулокъ, носящій имя училища: въ еврейскую школу, въ мусульманское медресе, къ Армянамъ, Грекамъ, Нѣмцамъ, Болгарамъ, Румынамъ. Тутъ надо было видѣть его иногда въ грязной лачугѣ, безъ оконъ и пола, выслушивающаго робкій лепетъ оборванныхъ, босоногихъ ребятнишекъ, ободряющаго ихъ своею свѣтлою улыбкою, своими нѣжными ласками. Всегда добрый, привѣтливый и радушный, всегда другъ и отецъ подчиненныхъ, какъ скоро видѣлъ хотя малѣйшее себѣ сочувствіе, онъ огорчался до глубины души, выходилъ изъ себя, занемогалъ, когда замѣчалъ холодное равнодушіе, нерадивость и бездѣйственность на

поприщѣ, на которомъ самъ шелъ и работалъ первый. Эта живая впечатлительность, эта горячность, принимавшая все къ сердцу, въ соединеніи съ непрерывными трудами и неограниченною преданностью долгу, по понятію, которое онъ самъ о немъ создалъ, безъ сомнѣнія не мало содѣйствовали къ разстройству его здоровья, истощенію силъ и наконецъ къ самой смерти. Много трудился Дмитрій Максимовичъ, многое сдѣлалъ, многое замышлялъ еще сдѣлать. Уже больной, уже на порогѣ смерти, онъ пустился въ дальнюю дорогу, изъ Одессы въ Петербургъ, не для себя, но по дѣламъ службы. Въ этой дорогѣ, за нѣсколько верстъ отъ мѣста, гдѣ ожидалъ его гробъ, онъ имѣлъ еще столько самоотверженія, столько, можно сказать, пренебреженія къ послѣднимъ остаткамъ угасающей въ немъ жизни, чтобъ изъ дорожнаго экипажа, въ дорожномъ платьѣ, зайти въ Елисаветградское Уѣздное Училище, и провести тамъ около четырехъ часовъ въ испытаніи учащихся, въ наставленіи учащихся. Съ собою, сколько намъ извѣстно, везъ онъ въ Петербургъ, на ближайшее усмотрѣніе высшаго начальства, *планы специальныхъ руководствъ по разнымъ предметамъ училищнаго преподаванія*, изъ которыхъ нѣкоторыя начали уже и подготавливаться избранными отъ него лицами.

«Можно вообразить, сколько препятствій должно было преодолѣть ему, какъ трудно было образумить закоренѣлое упрямство. Убѣжденный въ вѣрности своихъ взглядовъ, въ пользѣ предложенныхъ имъ преобразованій, онъ часто выходилъ изъ терпѣнія, и не могъ скрыть своей досады и негодованія на враговъ и противниковъ его предположеній и распоряженій, при которыхъ имѣлъ онъ въ виду достиженіе общей благой цѣли.»

Казалось бы, что непрерывные, тяжкіе труды по учебной части ограничатъ его дѣятельность, отнять у него возможность заняться еще чѣмъ нибудь. Нѣтъ! онъ доказалъ на дѣлѣ, что человѣкъ истинно благонамѣренный всегда найдетъ время и средства развить вполне свои душевныя силы, когда идетъ дѣло о благомъ и полезномъ.

Дмитрій Максимовичъ видѣлъ въ себѣ не управляющаго училищами Одесскаго Округа, а попечителя южнаго края по Министерству Просвѣщенія, то есть представителя наукъ, искусствъ и литературы въ всемъ объемѣ этого званія.

Полуденная Россія обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя преимущественно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, благословенный Край Новороссійскій изобилуетъ прекрасными и драгоцѣнными дарами природы, возникающими въ исконной дикости, и только ждетъ пособій опыта и науки для умноженія произведеній своихъ сторицею; во-вторыхъ, недавно пріобрѣтенныя просвѣщеніемъ страны этого брая, бывшія позорищами древнѣйшихъ событій міра, представляютъ обильную пищу любителямъ и изыскателямъ исторіи и древностей. Варварство, стершее съ лица земли памятники бывшаго просвѣщенія, не успѣло истребить всего до основанія, не касалось сокровищъ, укрывшихся въ нѣдрахъ земли. Въ образованныхъ странахъ Европы останки Грековъ и Римлянъ извѣданы вполне; затаившіяся въ землѣ достопамятности древняго міра извлечены на свѣтъ, и сдѣлались общимъ достояніемъ науки. На сѣверныхъ же берегахъ Чернаго Моря высатся нетронутыя наукою развалины древнихъ зданій во всемъ своемъ величіи; въ нѣдрахъ земли укрываются драго-

цѣнные памятники исчезнувшихъ вѣковъ — жатва обильная: были бы жнецы.

Дмитрій Максимовичъ обратилъ свое вниманіе и дѣятельность на эти два предмета.

При самомъ прибытіи своемъ въ Одессу поступилъ онъ въ члены Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, и принялъ дѣятельное въ трудахъ его участіе, взявшись за составленіе и редакцію *Листковъ* этого общества, выходившихъ съ 1831 года, и оживившихся въ рукахъ новаго редактора, который одинъ занимался изданіемъ ихъ, читая даже самъ корректуру.

Еще усердиѣ, и знаменательнѣе были труды его по историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ южнаго края. При содѣйствіи любителя древности М. М. Кирьякова, Дмитрій Максимовичъ на другой годъ пребыванія своего въ Одессѣ основалъ *Общество Исторіи и Древностей Южной Россіи*. 25 Марта 1839 г. послѣдовало утвержденіе общества Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, но оно не имѣло ни какихъ средствъ къ своему существованію. Первый денежный капиталъ составилъ изъ приношеній Дмитрія Максимовича и г. Кирьякова. Открытіе засѣданій происходило 23 Апрѣля, въ залѣ Рихельевского Лицея. Дмитрій Максимовичъ объявилъ собранію объ утвержденіи общества министромъ, и въ простой рѣчи изложилъ его цѣль и главныя основанія. Присемъ выбраны были дѣйствительные члены изъ нѣкоторыхъ присутствовавшихъ притомъ особъ, изъявившихъ предварительно свое на то согласіе. Въ президенты единогласно избранъ былъ самъ Дмитрій Максимовичъ; онъ носилъ это званіе до кончины своей.

Президентъ обратилъ ревностное вниманіе на устройство общества, и оно вскорѣ достигло предполагаемой

имъ цѣлп. Онъ входилъ въ сношенія съ знатоками и любителями древностей, разбѣянными по всей Россіи, и привлекалъ ихъ къ участию въ благомъ дѣлѣ. Между тѣмъ почетный президентъ, Графъ М. С. Воронцовъ, исходатайствовалъ отъ щедротъ монаршихъ обществу постоянное денежное пособіе. Въ торжественномъ собраніи (4 Февраля 1840) Княжевпчъ произнесъ къ членамъ своимъ превосходное слово, въ которомъ ясно и опредѣлительно указалъ, какъ должна проявляться его дѣятельность. Члены пзъявили усердное желаніе принять постоянное участіе въ работахъ общества, и нѣкоторые исполнили свое обѣщаніе, но душею всего былъ президентъ. Бѣольшая часть предпріятій была первоначально задумана имъ; нѣкоторыя производились имъ самимъ лично; всѣ поддерживались его неутомимою ревностью и неистощимою дѣятельностью. Такъ ему принадлежить открытіе забытаго архива Крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго, и мысль о его разборѣ, доставившемъ обществу около шести сотъ любопытныхъ для исторіи края документовъ. Онъ первый почувствовалъ и оцѣнилъ важность оказавшихся потомъ безцѣнными находокъ древнихъ памятниковъ въ Крыму, относящихся къ вѣкамъ, которыхъ туземная исторія до сихъ поръ считалась совершенно погпошею для воспоминаній. Имъ пріобрѣтены и подарены обществу кувическія монеты X вѣка, найденныя въ 1839 году въ Рязанской Губерніи, описаніе которыхъ издано потомъ отъ общества особою книгою. По его предположенію и подъ его руководствомъ, совершены, въ 1843 году, ученая поѣздка дѣйствительнаго члена Григорьева въ Крымъ, и археологическія разрытія кургановъ въ Керчи членомъ-соревнователемъ Коллризовымъ. Не псчсляемъ случаевъ, въ коихъ онъ

оказалъ обществу разныя мелкія, но тѣмъ не менѣе полезныя услуги: онъ вездѣ и всегда напрягалъ все свое вниманіе, устремлялъ всю свою дѣятельность, наблюдалъ, подмѣчалъ, развѣдывалъ, пріобрѣталъ, жертвовалъ, просилъ, хлопоталъ, предстательствовалъ, подстрекалъ и одобрялъ всѣми зависящими отъ него средствами ревность другихъ, и наконецъ самъ лично, въ буквальный смыслъ, *работалъ* для общества. Такъ, въ 1840 и 1841 годахъ, путешествуя по южной Европѣ, онъ постоянно имѣлъ въ виду ученые интересы общества. Оно, между прочимъ, обязано ему тѣмъ, что памѣренія и занятія его сдѣлались извѣстными ученой Европѣ, что къ трудамъ его возбудилось сочувствіе въ современныхъ историческихъ и археологическихъ знаменитостяхъ, особенно въ Славянахъ и славянистахъ, что съ нимъ вошли въ близкія сношенія, принявъ званіе дѣйствительныхъ членовъ, такіе люди, какъ Копитаръ, Ганка, Вукъ Стефановичъ-Караджичъ, Гай, Коларъ и другіе, имъ подобные, что, наконецъ, въ качествѣ почетныхъ членовъ, сопчислились къ нему владѣтельные господа Молдавіи и Валахіи и владыка Черногорскій.

Сверхъ того, Димитрій Максимовичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи *Записокъ Общества*, и ему одному обязаны начатіемъ этого интереснаго и важнаго изданія, продолжающагося донинѣ. По возвращеніи изъ путешествія его за границу (въ началѣ 1842 года), положено было приступить къ изданію перваго тома «Записокъ» изъ накопившихся до того времени матеріаловъ, и для этого составленъ былъ комитетъ изъ пяти членовъ: Д. М. Княжевича, А. С. Стурдзы, Н. И. Надеждина и В. В. Григорьева, и секретаря. Начали выбирать матеріалы и изготовлять къ печатанію. Для этого надлежало

выписывать шрифты изъ Петербурга, изъ Парижа и проч., заказывать снимки и рисунки въ обѣихъ столицахъ. Между тѣмъ три члена комитета были изъ Одессы, и вся тяжесть работъ по изданію легла на Дмитрія Максимовича, который имѣлъ помощникомъ только секретаря. Онъ уже разстроился въ здоровьѣ, и въ теченіе двухъ лѣтъ трудясь безостановочно надъ «Записками», откладывалъ необходимую поѣздку въ Петербургъ. Въ день окончанія печатанія книги онъ рѣшился выѣхать, и наканунѣ выѣзда отправилъ нѣсколько экземпляровъ, но ему не было суждено найти ихъ въ Петербургѣ...

Исчислять ли прочіе литературные труды Дмитрія Максимовича, предпринимавшіеся имъ всегда съ самою благородною и безкорыстною цѣлью? Во все время пребыванія своего въ Одессѣ издавалъ онъ выпрошенный имъ у мѣстнаго начальства, въ пользу бѣдныхъ учениковъ лицея и округа, *Новороссійскій Календарь*, обязанный ему своимъ обновленіемъ, важный и необходимый въ краѣ, интересный всѣмъ русскимъ читателямъ. Въ 1839 и 1840 годахъ издалъ онъ два прекрасные литературные сборника подъ заглавіемъ *Одесскій Альманахъ*, составленные изъ трудовъ извѣстнѣйшихъ тогдашнихъ писателей, которые, зная и любя Дмитрія Максимовича, охотно дѣлились съ нимъ своими произведеніями. Еще упомянемъ о совершенномъ имъ путешествіи, дальнемъ и трудномъ, имѣвшемъ непосредственную цѣль, относившуюся и къ учебнымъ и къ ученымъ пользамъ Новороссійскаго Края. «Это путешествіе,» говоритъ спутникъ его, «началъ онъ съ Придунайскихъ Княжествъ, проѣхалъ потомъ Трансильванію и Венгрію, объѣхалъ Италію до Неаполя, затѣмъ посѣтилъ восточный берегъ Адриатическаго Моря, взобрался на знаменитую Черную Гору, заѣзжалъ въ

Сербію, и наконецъ, изъ Вѣны, чрезъ Богемію, Саксонію и Пруссію, возвратился въ Петербургъ, и потомъ въ Одессу. Не даромъ извѣздилъ онъ и большую часть Россіи, жадно наблюдая, внимательно изслѣдывая все, относящееся къ жизни великаго нашего отечества, открывая, собирая и частью описывая разныя достопримѣчательности народной, общественной и государственной жизни русской. У него накопились богатые сокровища разныхъ памятниковъ старины, разныхъ замѣтокъ и записокъ о настоящемъ. Въ послѣднее время, особенно съ послѣдняго путешествія за границу, онъ положилъ основаніе у себя примѣчательной коллекціи монетъ, рукописей и старопечатныхъ книгъ, въ особенности славянскихъ.*

Продолжительная и непрерывная дѣятельность Дмитрія Максимовича, сопровождаемая неисчислимыми хлопотами и заботами, не могла (какъ и выше замѣчено) не имѣть вліянія на его здоровье. Духъ его не падалъ, не слабѣлъ, но физическія силы приходили въ изнеможеніе. Къ трудамъ по службѣ, къ занятіямъ литературнымъ присоединились превратности и огорченія, неизбѣжны въ жизни каждаго изъ насъ, и еще сильнѣе самыхъ тяжкихъ трудовъ дѣйствующія на человѣка пламеннаго и впечатлительнаго, на отца семейства, помышляющаго объ устроеніи судьбы дѣтей своихъ. Дмитрій Максимовичъ, по добродушію своему и отсутствію всякой подозрительности, ввѣрилъ человѣку, который представлялъ всѣ свѣдѣтельства благонадежности. И этотъ человѣкъ, обманувъ, вольно или невольно, ожиданія своего благодѣтеля, привелъ его въ опасность лишиться всего своего честно нажитаго достоянія. Этотъ случай довершилъ разстройство здоровья Дмитрія Максимовича. По дѣламъ службы и по собственнымъ домашнимъ, онъ отправился въ Петербургъ: онъ

везъ съ собою проектъ устава Одесскаго Университета. Изъ Одессы выѣхалъ онъ 10 Сентября 1844 года съ супругою и дѣтьми, сопровождаемый слезами, благословеніями и пламенными желаніями всѣхъ своихъ друзей, подчиненныхъ и всѣхъ знавшихъ его. Но ему не было суждено достигнуть цѣль своего путешествія. 20 Сентября прибылъ онъ въ мѣстечко Буромку, принадлежавшее Е. М. Фроловой-Багреевой, дочери Графа М. М. Сперанскаго. Тамъ медики объявили ему, что онъ не можетъ ѣхать далѣе и долженъ отдохнуть. Онъ былъ еще на ногахъ, но уже самъ чувствовалъ опасность своего положенія, и покорился приговору. Болѣзнь шла быстрыми шагами. Умиравшій встрѣчалъ смерть спокойно, говорилъ о предстоявшей своей кончинѣ съ окружающими его, диктовалъ письма къ отсутствовавшимъ. Утромъ 29 го Сентября причастился онъ Святыхъ Таинъ. Это ободрило и возвеселило духъ его, и въ глазахъ окружающихъ его блеснулъ мгновенный лучъ надежды, но онъ и исчезъ такъ же быстро. 30 Сентября вечеромъ Дмитрій Максимовичъ созвалъ свое семейство, и началъ благословлять оставаемыхъ имъ на землѣ, потомъ умокъ и погрузился въ тихое безмолвіе, сохранивъ притомъ полное сознаніе. На разсвѣтѣ 1 Октября совершенно было надъ нимъ елеосвященіе. Умирающій слѣдилъ внимательно за молитвами, и съ жадностью простиралъ уста къ лобызанію Святаго Евангелія. «Въ три четверти одиннадцатаго часа (говорить очевидецъ) лице его озарилось неземною улыбкою, и эта улыбка застыла подъ рукою смерти.»

Смертные его останки погребены при мѣстной церкви Св. Димитрія.

Мы изложили образъ мыслей и дѣйствій Дмитрія Максимовича на служебномъ и общественномъ поприщѣ.

Во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ проявлялись свѣтлая душа, благородное сердце, строгость въ исполненіи своего долга въ качествѣ вѣрноподданнаго, человѣка и христіанина, пламенное усердіе къ добру своихъ ближнихъ, подчиненныхъ, друзей, пожертвованіе самимъ собою общему благу и пользѣ другихъ. Нужно ли присовокуплять къ этому, что человѣкъ съ такими блистательными достоинствами и заслугами въ жизни внѣшней, былъ въ то же время образцемъ добраго отца семейства, сына, брата, друга, начальника, господина? И въ безвѣстной, тихой жизни онъ былъ бы прекраснымъ примѣромъ для своихъ ближнихъ.

Добрыя сѣмена, посѣянные его умомъ и сердцемъ на благодарной почвѣ южнаго края Россіи, приносятъ и будутъ приносить вождѣнные плоды, а воспоминанія о немъ, съ каждымъ днемъ ограничиваясь числомъ лицъ, его знавшихъ, становятся усладительнѣе, духовнѣе, святѣе для тѣхъ изъ нихъ, которые еще живутъ на землѣ, питаясь отрадною надеждою радостнаго свиданія, надеждою, безъ которой жизнь земная была бы для человѣка безысходнымъ страданіемъ.



**THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL**



RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

P85
.K495
G7
1860

